

туре, родоначальником династии московских князей считался Даниил, сын Александра Невского.⁴

Сложнее объяснить появление в повести имени Бориса Александровича (он заменяет Даниила Суздальского остальных списков). Борис называется братом Даниила Александровича, но брата с таким именем у Даниила на самом деле не было. Кого имел в виду под этим именем автор — сказать трудно. Возможно, имя просто выдуманно им, а может быть, автор подразумевал под ним историческое лицо.

В повести названо еще одно новое имя — княгини Марьи (вместо Улиты), жены Бориса. В истории известен великий князь тверской Борис Александрович. Рядом с ним в литературе упоминается и имя Марьи, его дочери. Может быть, этого тверского князя и его дочь и имел в виду автор в лице суздальского Бориса и княгини Марьи повести? Видеть в Борисе Александровиче тверского князя допустимо и потому, что в рассказе «о литовских князьях» перед повестью упоминается событие из тверской истории: «великие князья» отдают Гедимину «князя Симеона Тверского дщерь», Ульянию, в жены. Причем подчеркивается: «и оттоле пошло великое княжение литовское». Возможно, сам рассказ попал в летописец благодаря какому-то особому «пристрастию» писца ко всему «тверскому»?⁵

Но чем же в таком случае объяснить желание автора сделать Бориса Тверского и Марью героями рассказа? В повести Борис находится в близких отношениях с основателем Москвы и первым московским князем, он называется его братом. Марья (Улита в остальных списках «Сказания») показана злодейкой, убийцей мужа.

Не могло ли все это произойти таким образом. Автор повести — тверитин или же его интересы связаны с Тверью. Имя Бориса Александровича ему знакомо, даже больше: он знал, что Борис княжил в Твери в период ее могущества, был в дружеских отношениях с московским князем, он знал также, что дочь его, Марья, была замужем за князем, который уничтожил самостоятельность Твери (за Иваном III). Он мог знать об этом из литературы: в «Слове похвальном» инока Фомы⁶ Борис именно и называется «братом» московского князя, говорится в нем и о браке Марьи с Иваном. В его воображении Марья могла представиться уничтожившей то, что было сделано для Твери Борисом. Чтение же «Сказания» натолкнуло его использовать сложившиеся в повести взаимоотношения между героями. Стоило заменить имена — и повесть отражала представляемую им картину: Борис оказывался братом московского князя; Марья, выступавшая здесь в роли княгини, оказывалась убийцей Бориса. Может быть, потому в повести и пропущены известия о малолетнем князе Иване, что в сочетании с именем Бориса он казался бы не на месте.

Все только что сказанное относительно новых имен героев повести, конечно, только предположение. Во всяком случае вряд ли в этой подмене имен можно видеть какие-либо политические мотивы (в конце XVII — начале XVIII в. «областнические» тенденции едва ли были возможны). Если в повести, действительно, следует видеть Бориса Александровича Тверского, то появление его здесь скорее всего можно объяснить личным интересом к его деятельности автора.

⁴ В повести Даниил оказывается князем владимирским. На самом деле владимирским князем он не был.

⁵ Обращает на себя внимание, что в конце летописи, в повести о взятии Грозным Смоленска, тоже действует тверской епископ.

⁶ За совет привлечь «Слово похвальное» благодарю Б. И. Дубенцова.